

ГЛАВА ПЕРВАЯ

... Она была беспечна.

Уши ее, похожие на половинки большой жемчужной раковины, легко отделяли звуки от отзвуков; порохи и звон падающих капель отражались от стен, слабели и множились, тонули, угодив в заросли мха, многократно повторялись, ударяясь о стену, звуки были ниточками, заполнявшими пространство Пещеры — сейчас все они были тонкими, редкими и совершенно безопасными. Возлились во влажных щелях насекомые, чуть слышно шелестела медленная река, а целым ярусом ниже спаривались два маленьких тхоля. Спокойное дыхание Пещеры; полной тишины здесь не будет никогда. В полной тишине сарна чувствовала бы себя слепой.

Она повела ушами, неторопливо и с удовольствием перебирая ниточки знакомых безопасных звуков; потом вскинула голову и, неслышно переступая копытцами, двинулась вниз, к воде.

Каменный свод терялся в темноте. Мерцающие лишайники не давали света, но светились сами, обозначая стенки и склоны зеленоватыми неровными пятнами. Сарна оставалась равнодушной к диковатому очарованию зала — она слышала воду. Самый прекрасный из известных ей звуков.

И она склонилась над темной поверхностью и первым делом увидела себя — миниатюрного зверька с миндалевидными глазами и настороженными, на-

пряженными ушами на макушке. Переплетение едва уловимых звуков снова уверило ее в безопасности; она успела разглядеть мир по ту сторону водяной пленки — далекое дно, спины рыб, стоящих неподвижно, будто в ожидании, фосфоресцирующие камушки среди обычной гальки, пучки жесткой подводной травы...

Следующим зрелищем была черная морда, состоящая, казалось, из одних только клыкастых челюстей.

Ее слух сообщил об опасности слишком поздно. Хищник умел обманывать звуки; огромное, сливавшееся с камнями тело уже вырвалось из воды и зависло в броске, а ее уши по-прежнему не слышали смерти.

Время, необходимое зверю для убийства, было неизмеримо меньше времени, отпущенного сарне на помыслы о бегстве. Только помыслы — потому что хищник не был ни толстомясым барбаком, ни жадным схрулем.

Хищник был — сааг.

А сааги не промахиваются.

Любая сарна может увидеть саага только раз в жизни.

Но всегда узнает.

Мышцы, ведающие дыханием, успели сократиться.

Выдох...

Прорванная поверхность воды колебалась, и брызги, если бы они были, все еще висели бы в воздухе; но сааги не поднимают брызг.

И никогда не промахиваются.

Этот — промахнулся.

В ту сотую долю секунды, когда челюсти смыкались — копытца сарны скользнули по гладкому камню. И рефлекторно она совершила движение, до которого ее парализованная ужасом головка не додумалась бы никогда. Да просто не успела бы.

Она отшатнулась — и челюсти саага, идеально устроенные орудия для перегрызания шей, сомкнулись не там, где следовало.

И вместо горячей крови в пасть хищнику хлынула густая, пышная, жесткая шерсть ее «манишки» — а эта сарна была особенно шерстиста.

Доля секунды — она видела прямо перед собой его мутные, бешеные, широко сидящие глаза.

Затем инстинкт, действовавший отдельно от ее желаний, сбросил шерсть. Оставил хищнику как выкуп. Как жертву. Все сарны умеют клочьями сбрасывать шерсть, и многие из них благодаря этому дольше живут.

Возможно, сааг поперхнулся ее манишкой. Возможно, он просто не поверил в случившееся — любая сарна видит саага только раз, раз в жизни!..

Но спустя мгновение она уже неслась, и звук бьющих о камень копыт метался по Пещере, отражался от стен и указывал беглянке просветы и щели, и потому она ни разу не споткнулась, и не налетела на сталагмит, и не свернула изящную шейку.

Возможно, сааг преследовал ее.

Возможно.

* * *

Павла проснулась и некоторое время тупо смотрела на прямоугольник света, потихоньку сползавший с потолка на стену.

Сердце ее колотилось так, что подпрыгивал нарисованный на одеяле гном. Павла терпеть не могла этого одеяла — что за слюнявые инфантильные мотивы, при чем здесь гном, да еще с такой гнусной бородатой рожей...

Она всхлипнула. В ушах у нее все еще метался, ударяясь о стены, топот смятенных копыт.

Значит, это все-таки СЛУЧИЛОСЬ?

Сердце запрыгало сильнее, но Павла успела накрыть его холодной рукой рассудка. самого страшного как раз НЕ СЛУЧИЛОСЬ. А потому нету святающихся лишайников из смутного сна, а есть только солнечный луч, пошлый гном на одеяле, бормочущее радио на кухне, и — вот, пожалуйста!..

— Павла, вставай!

Голос Стефаны выдает легкую простуду и нарастающее раздражение. Дробный топот — это только кажется, что сотня конников проскакала. На самом деле это Митика гоняет свой мяч, хотя ребенку давно вроде бы надлежит быть в садике.. И хорошо бы вместе с мячом.

— Павла, вставай!..

Она блаженно улыбнулась.

Сердце успокаивалось. И высыхал холодный пот. Сейчас она вымоется, выпьет кофе и отправится получить очередную выволочку от Раздолбежа..

Она засмеялась. В другое время подобная мысль вызвала бы приступ депрессии — но сейчас ей чертовски нравится жить.

— Павла, опоздаешь!..

Грохот. Это Митика опрокинул мячом табуретку, о, ему понравится, он повторит..

Так и есть. Грохот. Павла потянулась.

А вот знали бы вы, думала она, кромсая в тарелке желтую лепешку омлета. А вот знали бы вы, что со мной... тьфу ты. Негоже все время об этом думать, но если бы вы все — и ты, Стефана, и твой Влай, который уже час как ушел на работу, и ты, Митика, маленький паршивец..

— Павла, у тебя красная заколка к зеленой рубашке?! Ты что, дальтоник?

— Да не заметила я...

— Ей-богу, Митику легче научить, чем тебя... Митика, немедленно выбрось муху.

— Так ведь она уже сдохла...

— Тем более выбрось!! Павла, поменяй заколку сейчас.

— Дай кофе допить...

— Марш-марш, потом допьешь, дел-то одна минута... А забудешь, так и пойдешь, безвкусная, как клоун...

— Клоунов не едят, — предположил Митика. — Клоуны вкусные не бывают...

Павла счастливо улыбнулась.

Если бы они знали...

Если бы все вы знали, думала она, надевая туфли перед дверью, где прищиплен был листок с ярким фломастеровым текстом: «Павла! Уходя, выключи утюг, плиту, кофеварку, телевизор! Не забудь часы, бутерброд, кошелек, проездной, пропуск! Проверь, плотно ли прикрыта входная дверь!»

Если бы вы знали, напевала она под нос, раскланиваясь в лифте с соседями. Если бы вы...

Дворик был залит солнцем. Павла изо всех сил зажмурилась, вглядываясь в красное марево собственных сомкнутых век. Если бы вы знали... как прекрасна жизнь. И как она тем более прекрасна, если понять, нет, шкурой почуять, какая она тоненькая...

— Павла!..

Стефана свешивалась с балкона, потрясая белым свертком:

— Павла! Легче Митику, ей-богу.. На!

Бутерброд в полиэтиленовом пакете грузно шлепнулся на газон. Качнулись садовые ромашки.

Она опоздала минут на двадцать.

На лестничной площадке стоял и курил Сава, оператор с четырнадцатого канала; в другое время Павла прошмыгнула бы мимо, не решаясь заговорить, — но сегодня острый вкус к жизни повелел ей остановиться, и улыбка получилась сама собой:

— Привет!

Все, теперь Сава ее запомнит. Теперь она перестанет быть для него бледной ассистенткой, которых на всех этажах телецентра хоть пруд пруди. Теперь, возможно, при следующей встрече он сам поздоровается, первый...

Напевая и цокая каблуками, Павла проследовала на рабочее место; секретарша Лора вскинула на нее свирепые глаза:

— Павла!.. Елки-палки, тебя Раздолбеж.. Тебя господин Мырель уже... Ты ему интервью расшифровала?

Целых полминуты Павла судорожно пыталась сообразить, о чем идет речь, и успела уже покрыться горячим потом при мысли, что позабыла сделать нечто крайне важное; потом, облегченно вздохнув, шлепнула о стол выдавшим виды дипломатом:

— И незачем так орать...

Из-под открывшейся крышки дохнуло ядреным сеledочным духом. Мгновение спустя секретарша Лора удивленно повела ноздрями точеного носика; Павла тупо смотрела в недра собственного портфеля.

Сверху, прямо под крышкой, прямо на аккуратной стопочке расшифрованного интервью, лежала, закатив

мутные глаза, пахучая серо-коричневая селедка. В горестно раскрытой пасти толпились мелкие бессмысленные зубки; Павла медленно закрыла дипломат. Лора смотрела выжидающе.

Павла вздохнула. Прикрыла глаза, переборола сильнейшее отвращение ко всем детям планеты, к этим совершенно безнаказанным, наглым тиранам, творящим свои безобразия с невинным выражением розовых мордашек. Скрипнула зубами, покосилась на Лору:

— Я сейчас...

Под немигающим удивленным взглядом вышла из комнаты, процокала каблуками к белой дверке с элегантной дамой на вывеске; здесь, воровато оглянувшись, открыла портфель и брезгливо, двумя пальцами, взяла селедку за жесткий хвост.

— Зар-раза малая...

Павла не селедку имела в виду. Павла имела в виду Митику, которому, как обычно, все сойдет с рук.

Некоторое время она стояла посреди хромированного блеска и белого кафеля, покачивая на весу селедкой, как маятником. Потом вздохнула и опустила рыбину на стеклянную полочку под зеркалом — теперь селедок сделалось две, и обе воняли невыносимо.

Под звук спускаемой воды из соседнего помещения выплыла чопорная старушка — заведующая архивом; после мгновенного замешательства последовал взгляд, предназначавшийся одновременно и Павле, и ее селедке. Старушка вышла, не решившись приблизиться к умывальнику; Павла вздохнула, вытащила из портфеля первый лист расшифрованного интервью и тщательно, с мылом, принялась отстирывать селедочное пятно под струей горячей воды.

— ...Скажите, Павла Нимробец, что за странные соображения заставляют меня до сих пор... нормальный человек еще два месяца назад выгнал бы вас в три шеи!

— Я перепечатаю.

— Нет, не надо!.. Я найду человека, который сделает эту работу быстро и наверняка... Вот когда мне понадобится провалить дело — вот тогда я пришлю вам открытку-приглашение...

Господин Мырель, процветающий режиссер, к которому давно и крепко прилепилась кличка Раздолбеш, желчно скривил губы. Павла молчала; радость жизни померкла, придавленная нагоняем, но стоит выволочке закончиться — и там, за дверью душного кабинета, утреннее настроение вернется опять.

Господин Мырель будто прочитал ее мысли.

— Все с вас скатывается... как с утки вода. Говоришь, говоришь...

Секунду Павла решала, улыбнуться ей или покраснеть. Получилось и то и другое.

— Ладно, Нимробец... До следующего прокола. Следующий крупный прокол будет в вашей карьере последним... Идите в семнадцатую студию, отнесите вот эти кассеты и этот текст... И если на вашем пути встретится буфет — не вздумайте заворачивать в бумаги пирожок!

Посреди семнадцатой студии стоял, широко расставив длинные ноги, оператор Сава. Наушники и микрофон делали его похожим на пилота космического корабля; Сава смотрел в окошко камеры, иногда оборачивался к ассистенту, и тогда через окошко аппаратной Павла могла видеть скуластое серьезное лицо и мужественную прядь, живописно упавшую на лоб.

— Павла... Эй, да Павла же!.. Иди скажи шефу, что эта кассета не подходит...

— Позвони ему — чего мне бегать-то?

— А у тебя что, ноги отваливаться?! Быстренько, туда-сюда, давай... — Второй режиссер, восседающий за огромным пультом, не терпел на работе бездельников. И он давно был уверен, что от Павлы был бы большой прок, если посадить ее в беличье колесо и заставить в нем, колесе, бегать.

Оператор Сава стянул с головы наушники и повесил их на рукоятку камеры.

Павла улыбнулась. Второй режиссер ни-че-гошеньки не понимает в жизни.

Хорошее настроение вернулось мелодией — джазовым ритмом цокающих по коридору каблуков.

* * *

...Прохладный ветер Пещеры охлаждал ей шею и грудь — на месте сброшенной «манишки» была теперь большая проплешина. Сарна поводила ушами; в просторном сводчатом зале, полном сочного мха, паслось небольшое пугливое стадо. Сарна слышала негромкий скрип, производимый ступающими копытцами, аппетитный звук разгрызаемой зелени, легкое дыхание двух десятков товарок; чувство опасности жило где-то очень глубоко — воспоминание о страхе, заставляющее нерв-но подрагивать чуткие напряженные уши.

Ее спутницы были спокойны. Хищники редко нападают на сарн в больших залах; сарна имеет неоценимое преимущество в скорости, она вольна кинуться в любой из множества ходов, нападающий обречен на неудачу...

Кисловатый вкус мха, запах сырости из расщелин, треск крохотного хитинового панциря — пробирается по узкому ходу неуклюжий светящийся жук. Под темными сводами роятся его собратья — причудливый узор мерцающих точек. Но сарне непривычно смотреть вверх — и она опускает морду к редющему мху.

Покончив с едой, стадо переключается в другой зал; мох разрастается мгновенно, он растет тем больше, чем больше его едят...

Старая сарна, оттесненная молодыми товарками к краю, к черной дыре прохода, резко втянула в себя воздух. И этот еле слышный звук, выбившийся из паутины прочих звуков, заставил стадо содрогнуться.

Кисловатый вкус мха растаял на языке; юная сарна дернулась, и холодный ветер лизнул проплешины на ее груди.

Стадо выжидало, напрягая уши-раковины, а пожилая сарна, дрожа всем телом, неподвижно глядела в черный проход. И это сбило стадо с толку — при малейшей опасности сарна бежит, а если она неподвижна, то опасности нет, есть только возможность, только предчувствие беды...

Предчувствие... Сарна с проплешиной разом вспомнила ужас смерти.

Схруль?

Близко?

По счастью, сааг никогда не нападает на стадо. Сааг не любит тесноты, он выбирает одиноких животных, он никому не дает возможности поглядеть на себя дважды...

И тем неправдоподобнее было следующее мгновение, когда из черного зева вместе с волной воздуха вырвалось черное, гибкое, стремительное тело.

Стадо, пережившее секундный паралич, кинулось врассыпную, но пожилая сарна была обречена.

Она была обречена с самого начала — когда, ощутив саага в темноте коридора, поддалась оцепенению страха; теперь она тоже хотела бежать, но во время, необходимое ей, чтобы сдвинуться с места, уложились бы целых три саажьих броска. В реакции сааг многократно превосходит любую жертву; пожилой сарне осталось одно мгновение жизни.

Но сааг рассудил иначе.

Спустя секунду пожилая сарна уже бежала, путая ходы, кидаясь в проемы, указанные отзвуком копыт; она жила страхом и потому не понимала еще, что спасена. Безжалостный сааг почему-то бросил легкую, верную, самой судьбой предназначенную жертву.

Зато сарна с проплешиной на груди, улепетывающая в один из боковых коридоров, услышала за спиной характерный звук рассекаемого воздуха. Разрезаемого мощным стремительным зверем.

Три или четыре ее товарки метнулись в боковые ходы — сааг не свернул.

Глухой стук копыт о камень вдруг оборвался — под ноги лег сплошной ковер высохшего прошлогоднего мха; слабого шороха, производимого теперь ее шагами, оказалось мало, чтобы ловить отзвуки и ориентироваться на полном скаку.

Сааг ощутил растерянность жертвы и рывком сократил расстояние.

Сарна неслась почти вслепую, ежесекундно рискуя налететь на стену и разбить себе череп; рано или поздно коридор свернет. Или обернется тупиком, и тогда лучше удариться о камень, чем умереть на изогнутых

саажьих зубах. Ветер бил в обнаженную грудь, и сарне казалось, что на ее шее уже смыкаются костяные орудия убийства.

Удар...

Целую долю секунды она считала себя мертвой. А потом в глаза ударил свет.

То, что преградило ей путь, не было каменной стеной. Логово огненных жуков — тугой мешок с волосяными стенками; жучихи всю жизнь плетут его из упавших шерстинок, чтобы перед смертью отложить яйца. Личинки светящихся жуков не мерцают в темноте — они горят ярко, так, что больно глазам; саажьим глазам, зорким в темноте, больно особенно.

Сарна пробила волосяной мешок, кувыркнулась через голову и снова вскочила на трясущиеся ноги — среди россыпей маслянистых, остро пахнущих звезд. Из поврежденного гнезда лавиной сыпались личинки; пещерой пронесся рык, исполненный боли и ярости, — и сарна увидела саага вблизи, второй раз в жизни.

Мгновение.

Морда, состоящая, казалось, из одних клыкастых челюстей, огромные раздувающиеся ноздри — он чует ее запах!.. Слепшие от яркого света, мутные глаза.

Еще доля мгновения — и сааг кинулся снова, руководствуясь уже одним только нюхом; в белом сиянии развороченного жучьего логова сарна ринулась в боковой, невообразимо узкий проход. Слишком узкий для огромной туши саага.

Раздраженный вопль зверя, второй раз упускающего добычу.

Второй раз — потому что сарна знала, что это именно ТОТ сааг. Чувала мокрой, передергивающейся шкурой.

* * *

Солнечный луч сполз с потолка на стену.

Павла лежала, чувствуя, как липнет к телу потная ночная сорочка.

Ей было тошно. Во рту стоял отвратительный металлический привкус, и то и дело приходилось сглатывать слюну. Мышцы болели, как от долгой изнуряющей работы.

— Павла!.. Опоздаешь!..

Она всхлипнула.

За что?!

Избежать опасности — счастье, но кошмар, повторяющийся ДВАЖДЫ?!

— Па-авла!..

Звонко грохнула хлопучка. Из-под двери потянуло сбежавшим молоком.

Прижавшись лбом к окну автобуса, она тупо множила номера проплывающих мимо машин.

Автобус еле полз в гору, он похож был на тяжелого, сытого зверя, пыхтящего от малейшего усилия; ночь отодвигалась от Павлы, подергивалась туманом, яркие воспоминания уходили — но липкий пот оставался.

Вереницей промелькнули велосипедисты — человек десять, все яркие, как игрушки на витрине.

Плыла над тротуаром огромная надувная гусеница. Это топали на экскурсию детишки, и каждый торжественно держал по одной пластмассовой ножке; гусеница подпрыгивала над их головами, как живая. Прохожие оборачивались.

Торговец попугаями, примостившийся у автобусной остановки, поймал угрюмый Павлин взгляд. Обезору-

живающе улыбнулся, похлопал ладонью по клетке, рекомендуя свой товар как лучшее средство от депрессии.

Павла вздрогнула, потому что идущий по проходу парень задел ее газетой; парень извинился, и по глазам было видно, что он не прочь завести разговор — но Павла не ответила. Именно в этот момент под окном проплыла, обгоняя автобус, неприметная беленькая машина с эмблемой Рабочей главы на крыше и на дверцах.

Павла зажмурила глаза, но проклятое воображение уже подсовывало картинку — залитый солнцем дворик, газон с садовыми ромашками... И эта вот машина у подъезда. И выносят нечто, укрытое простыней, и удивленно-испуганно переглядываются соседки — «да вроде здоровая была, молодая... С чего бы?..» — «Не повезло...»

Не повезло.

Хотя на самом деле повезло, конечно. Дважды избежать верной смерти — с этим вроде бы к психотерапевту идут...

Павла поморщилась. Она всегда удивлялась людям, способным говорить «про это» с кем-то посторонним. Даже не с другом и не с родственником — с совершенно чужим, профессионально участливым человеком... Нет, стыдно.

Зазевавшись, она проехала нужную остановку.

Около одиннадцати ее позвал к себе Раздолбеж; на его захлапленном столе дымилась чашечка кофе. Павла безучастно смотрела, как заворачивается спиралями, тает белыми язычками ароматный кофейный пар.

— Нимробец... Ты меня слушаешь или нет?

Павла перевела взгляд на красную, напористую физиономию Раздолбежа. В лабиринтах Пещеры он на-

верняка хищник. Вряд ли, конечно, сааг — но схруль, зеленый схруль, как минимум...

Эта мысль испугала ее. Не потому, что она боялась схрулей — она боялась ненормальности. Ни один нормальный человек не станет днем раздумывать о мире Пещеры. Это дозволено разве что подросткам в период полового созревания, и то они этого стыдятся...

— Эй, Павла... Ты чего?

— Ничего... — Она опустила глаза. — Сделаю...

— У тебя три дня. Потому что мы и так не укладываемся в сроки... Интересующие нас статьи ищи в «Театре» за прошлый год. В «Сюжетах», потом совсем недавно что-то было в «Сплетнице»... Фигура он видная, я его раскручу, как клубочек... Позвони ему, возьми кассеты со спектаклями, какие-нибудь любительские съемки, все пойдет в дело...

— Он мне не даст, — сказала Павла мрачно.

Раздолбеж вскинул брови:

— Да? А зачем ты тогда мне нужна?.. Учись, милая, разговаривать с людьми, надо, чтоб дал... Позвони ему, похвали последнюю премьеру, ну, что хочешь...

— Последняя его премьеры — лабуда без масла, — все так же угрюмо сообщила Павла. — Все бегают и орут, то громче, то тише...

— Плевать. — Раздолбеж смачно отхлебнул из кофейной чашечки. — Найди хорошие слова... Работай. Хочешь сделать карьеру — учись.

Павла вздохнула.

В офисе работал телевизор; секретарша Лора закончила телефонный разговор, бросила трубку, радостно кивнула Павле:

— Сейчас наш новый анонс пойдет, хочешь глянуть?

С экрана улыбалась дикторша с третьего канала, Павла знала ее как невозможную стерву, сейчас она говорила о перестановках в городской Администрации, о новом проекте по озеленению окраин, об открытой Ярмарке идей под патронажем Гуманитарного Университета; Павла разглядывала ее пиджак. Элегантное сооружение безукоризненного покроя, с лепестком на лацкане, будто специально созданным для микрофона-петлички... Дикторша не отрывала взгляда от камеры, и миллионы польщенных зрителей думали, что она глядит им прямо в глаза. На самом же деле дама смотрела на бегущую строку подсказчика.

Секундная пауза; обаятельное лицо сделалось профессионально грустным:

— Городская служба охраны здоровья с прискорбием сообщает, что сегодня ночью ушел из жизни господин Петер Сухич, бывший бессменным мэром столицы на протяжении десяти лет, вплоть до выборов прошлого года... Господин Сухич не страдал фатальными заболеваниями, однако преклонные годы — ему исполнилось восемьдесят два — стали причиной общего ослабления организма... Сон его был глубок, смерть пришла естественно. Завтра в десять часов утра состоится траурное шествие, и горожане, желающие отдать последний долг уважаемому соотечественнику, могут явиться в девять тридцать к зданию мэрии...

— Павла, ты чего? — удивленно спросила секретарша Лора.

«Сон Павлы Нимрбец был глубок, и смерть пришла естественно».

Павла проглотила соленую слюну:

— Слушай...